

Критика и библиографія.

Arthur Luther. *Geschichte der russischen Literatur*. Bibliographisches Institut. Leipzig 1924. (499 стр.)

Исторіи литературы, какъ части исторіи искусства, написать строго говоря, вообще невозможно, ибо тамъ, гдѣ начинается исторія, кончается искусство, и тамъ, гдѣ начинается искусство, кончается исторія. Исторія — процессъ во времени; искусство — образы вѣчности. Это не значитъ, конечно, что между искусствомъ и его временемъ нѣтъ никакихъ связей. Связи есть и даже очень крѣпкія: и національно-культурныя, и индивидуально-психологическія и структурно-стилистическія, но всѣ онѣ исключительно только связи элементовъ или матеріала всякаго художественнаго произведенія съ духомъ и характеромъ своей эпохи. Само же оно, какъ цѣлое, неповторимое, единственное, стоитъ внѣ и выше своего времени и тѣмъ самымъ въ непосредственной, какъ бы кровной связи со всѣми художественными твореніями всѣхъ эпохъ и народовъ.

Обоснованіе этихъ положеній — вещь очень сложная, требующая тщательныхъ гносеологическихъ изслѣдованій но для неспеціалиста философа и не слишкомъ важная.

Совершенно простыхъ соображеній о томъ, что въ то время какъ алхімію смѣнила химія и астрологию — астрономія, средневѣковаго искусства наше искусство совсѣмъ не замѣнило, и что трагедіи Софокла намъ настолько же ближе драмъ Андреева, насколько эпоха Перикла дальше нашихъ предреволюціонныхъ лѣтъ, вполне достаточно для подтвержденія правильности высказанныхъ мыслей.

Въ этомъ своеобразномъ отношеніи искусства къ своему времени, а тѣмъ самымъ и къ исторіи, кроется причина того обстоятельства, почему всѣ исторіи искусства и литературы постоянно превращаются въ исторіи элементовъ искусства, въ исторіи культуръ, въ исторіи психологій смѣняющихся поколѣній и ихъ отдѣльныхъ представителей.

Все сказанное пріобрѣтаетъ особо существенное значеніе въ связи съ особенностями русской литературы, отличительная черта которой, на что уже неоднократно указывалось, заключается въ томъ, что она всегда была, съ одной стороны, религіозно-учительной, съ другой — политически обличительной, никогда не была «искусствомъ для искусства»; чистымъ «парнассизмомъ», «творчествомъ изъ ничего», русскіе писатели никогда не занимались. Элементы метафизическіе, психологическіе и культурно общественные въ русскомъ искусствѣ играли всегда весьма значительную, опредѣляющую роль.

Будучи величайшимъ искусствомъ, русская литература всегда оставалась искусствомъ по существу содержательнымъ.

Этимъ обстоятельствомъ, если и не оправдывается, то все же объясняется тотъ фактъ, почему исторія русской литературы постоянно писалась не съ эстетической, а съ социологической точки зрѣнія.

Въ послѣднее время стоящая на плечахъ русскихъ символистовъ — декадентовъ и работающая рука объ руку съ такими нѣмецкими изслѣдователями, какъ профессоръ Сиверсъ, школа формалистовъ пытается подойти къ литературѣ совершенно формально какъ къ «явленію стиля». Но, какъ всякая подчеркнутая антитеза, она явно впадаетъ во всѣ ошибки и грѣхи враждебной ей тезы.

Касаясь правда лишь бѣгло въ своемъ предисловіи этихъ методологическихъ вопросовъ, Артуръ Лютеръ никакого строго опредѣленнаго рѣшенія не выдвигаетъ.

Въ основу своей «Исторіи русской литературы» онъ явно кладетъ не опредѣленный методологическій принципъ, а трудно опредѣлимый изслѣдовательски педагогическій тактъ.

Пиши А. Лютеръ на русскомъ языкѣ и для русскихъ, эту нѣкоторую безпринципность его труда пришлось бы поставить ему въ минусъ, но по отношенію къ нѣмецкой публикѣ избранный Лютеромъ путь быть можетъ единственно правильный.

Россіей въ Германіи очень интересуются, но, въ концѣ концовъ, ее все же мало знаютъ! Широкая публика любитъ только Достоевскаго, Толстого и отчасти Тургенева. Лишь въ последнее время начали усиленно читать Гончарова и впервые Лѣскова. Особнякомъ стоитъ популярность Мережковского (*Dostojewskysforscher und Apokalyptiker*) и Горькаго (*Proletarietdichter und Lenins Freund*). Чехова знаютъ очень немногіе и то больше по наслышкѣ. Бунина не знаетъ почти никто. Бѣлаго одни только Штейнеріаны.

При такихъ условіяхъ писать исторію русской литературы на нѣмецкомъ языкѣ вѣдь связи съ общей исторіей русской духовной культуры было бы дѣломъ врядъ ли современнымъ и нѣлесообразнымъ.

А потому, какъ ни произвольно на первый взглядъ включеніе въ исторію русской литературы нѣкоторыхъ теченій русской философіи (славянофилы, западники, Чаадаевъ, Соловьевъ, Розановъ) русского театра (особенно подробно описаніе возникновенія художественнаго театра; даны даже краткія біографіи Станиславскаго и Немировича-Данченко), дѣятельности журналовъ и издательства и т. д., — все это на нѣмецкомъ языкѣ вполне оправдано. Быть можетъ главное значеніе Лютеровской «Исторіи литературы» заключается въ томъ, что она убѣждающе вскрываетъ древность, богатство, полноту и многообразіе русскаго духовнаго творчества, что своими обстоятельными главами о русской пѣснѣ, былинѣ, о духовномъ стихѣ, о заговорахъ, поговорахъ, загадкахъ, такъ же какъ и большимъ количествомъ иллюстрацій въ текстѣ и тщательнымъ перечисленіемъ громаднаго количества русскихъ именъ рѣшительно пресѣкаетъ все еще распространенное въ Германіи представленіе о Россіи, какъ о духовной

пустынь, неизвестно какъ и почему вдругъ родившей « einen Tolstoi und Dostojewsky ».

Но воплотивъ принимая, такимъ образомъ, цѣлесообразность Лютеровскаго расширения понятія русской литературы до понятія русской духовной культуры, я все же думаю, что это расширение могло бы быть проведено болѣе систематично, чѣмъ это сдѣлано А. Лютеромъ. Думается, напримѣръ, что есть нѣкоторая случайность въ томъ, что изложение философскихъ теченій русской мысли обрывается на Соловьевѣ и Розановѣ, а характеристика театральнѣе жизни совершенно игнорируетъ Комиссаржевскую, Мейерхольда и Камерный театр. Думается также, что останавливаясь на Соловьевѣ и въ особенности на Розановѣ было бы существенно и интересно дать анализъ ихъ писательскаго мастерства и ихъ значенія для русской письменности.

Наряду съ трудностью выдѣленія литературы изъ остальнаго словеснаго творчества Лютеру пришлось бороться и съ другой. Не имѣя права разсчитывать на то, что его читатели дѣйствительно знакомы съ предметомъ предлагаемаго имъ изслѣдованія, онъ не могъ ограничить своей задачи разборомъ и оцѣнкой отдѣльныхъ художественныхъ произведеній, но долженъ былъ попутно все время заниматься пересказомъ ихъ содержанія. Большинство историковъ литературы правда все еще безъ малѣйшихъ угрызений совѣсти пользуются этимъ мертвящимъ приѣмомъ, но А. Лютеръ, правильно подчеркивающей въ своемъ предисловіи, что идеаломъ исторіи литературы ему представляется исторія, не приводящая никакихъ цитатъ, могъ бы быть можетъ сильно сократить въ своей исторіи пересказы содержаній отдѣльныхъ художественныхъ произведеній, такъ какъ они производятъ еще болѣе антихудожественное впечатлѣніе, чѣмъ цитаты. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (А. Толстой, М. Горькій) эти пересказы очень удачно растворены Лютеромъ въ общей характеристикѣ авторовъ, но иногда (А. Чеховъ) они страшно скопляются, тяжелятъ характеристику и не достигаютъ своей цѣли. Думается что книга А. Лютера много выиграла бы, если бы пересказы содержаній отдѣльныхъ художественныхъ произведеній были бы замѣнены характеристиками типичныхъ для отдѣльныхъ авторовъ сюжетовъ и методовъ ихъ разработки.

Но всѣ эти, можно сказать, почти неизбѣжные недостатки книгъ А. Лютера съ избыткомъ покрываются ея главнымъ достоинствомъ: живымъ чуткимъ и внутренне-русскимъ отношеніемъ къ нашей литературѣ. Таковую книгу могъ написать только изслѣдователь, прошедшій болшую часть своей жизни въ Россіи, кончившій русской университетъ, бывший въ немъ доцентомъ и лично знающій многихъ представителей современной русской литературы. Изслѣдованіе А. Лютера нигдѣ не соскальзываетъ въ то типичное непониманіе Россіи, которое сквозитъ во всѣхъ иностранныхъ изслѣдованіяхъ ея духовнаго облика, какъ бы они ни были серьезны и обстоятельны.

Очень правильно связываетъ А. Лютеръ Пушкина не съ Байрономъ, а съ Гете. Существенно подчеркиваетъ въ Тургеневѣ мисти-

ческое чувство смерти, жизни и бездны, которымъ онъ глубже связанъ съ Достоевскимъ чѣмъ это кажется на первый взглядъ, тонко также замѣчаніе, что если у Достоевскаго люди не ѣдятъ, потому что все время говорятъ о Богѣ, то у Чехова они объѣдаютъ, чтобы не говорить о Немъ. Очень удалась характеристика языка Лѣскова; по ней видно съ какою тщательностью А. Лютеръ переводилъ этого непереводаимаго автора.

Единственно спорнымъ въ отношеніи А. Лютера къ большой канонизированной русской литературѣ представляется мнѣ его анализъ Гоголя и его оцѣнка религіознаго кризиса этого писателя. Романтизма къ Гоголю было, конечно, много, но романтикомъ онъ все же не былъ: его творчество и гораздо реалистичнѣе и гораздо онтологичнѣе романтизма, а потому и его конецъ не только трагедія болѣзни и утраты таланта «Zusammenbruch», но и большая проблема отношенія религіи къ культурѣ весьма остро стоявшая въ Россіи стоявшая въ Россіи на протяженіи всего 19-го вѣка.

Въ отношеніи новой и новѣйшей литературы можно кое съ чѣмъ спорить. Конечно, М. П. Арцыбашевъ не большое дарованіе, но все же между нимъ и Вербицкой «дистанція огромнаго размѣра». Эта дистанція можетъ и не мѣшать сопоставленію и объединенію обоихъ авторовъ (все зависитъ отъ масштаба и угла зрѣнія), но въ трудѣ Лютера это сопоставленіе звучитъ ложно, ибо рядомъ съ нимъ имѣется другое, Бунинъ, Зайцевъ и . . . Крашениниковъ. Получается впечатлѣніе, какъ будто бы Крашениниковъ авторъ болѣе значительный и талантливый, чѣмъ Арцыбашевъ, что, конечно, ни въ какомъ смыслѣ не вѣрно. Неправильнымъ представляется на мой критическій слухъ также полное умолчаніе о такихъ талантливыхъ поэсахъ, какъ Марина Цвѣтаева, Маріэтта Шагинянь, наряду съ подробной характеристикой творчества Л. Столицы. И уже совсѣмъ нельзя согласиться съ совершенно мимолетнимъ упоминаніемъ такого прекраснаго и зрѣлаго поэта, какъ В. Ходасевичъ, въ книгѣ, подробно и любовно останавливающейся не только на творествѣ талантливаго Есенина, но и малозначительнаго Кукина.

Но все это, конечно, только случайные недостатки, объясняющіеся прежде всего тѣми ненормальными условіями, въ которыхъ писалась А. Лютеромъ его книга, представляющая собою не только лучшее руководство для нѣмцевъ, изучающихъ русскую литературу, но и весьма цѣнное пособіе для всѣхъ русскихъ, занимающихся отечественной литературой и не имѣющихъ въ своемъ распоряженіи ни своихъ, ни общественныхъ библиотекъ.

Ф. Степунъ.

В. Г. Короленко. Полное посмертное собраніе сочиненій. Дневникъ. Томъ I-й. Государственное издательство Украины. 1925 г.

Это большой подарокъ не только историкамъ русской литературы и общественности, не только лицамъ, знавшимъ литератора и общественного борца, В. Короленко, но и всѣмъ, любящимъ русскую литера-